

Исторические топонимы – наше общее достояние
Historical toponyms are our common heritage

Научная статья

УДК 811.511

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-3-4-102-113

Топонимические сведения о заселении Крыма тюрками огузами в XI-XII вв.

Олег Диляверович Рустемов

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова;
НИИ Крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма
г. Симферополь, Республика Крым, Россия
olerustem@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является анализ крымских топонимов с точки зрения идентификации тюркских племен, принимавших участие в этногенезе крымских тюрков. Этимологическому разбору подвергнуты отдельные, хорошо известные топонимы, относящиеся к периоду заселения Крыма тюрками-сельджуками. В настоящее время появилась возможность значительно расширить круг источников по крымской топонимике. Исторические названия населенных пунктов и географических объектов в дошедших до наших дней письменных памятниках, таких как сиджили судов шариата, представляют собой богатый материал для разнообразных филологических исследований. Одной из актуальных задач языкового анализа крымской топонимики является выявление и определение племенного состава крымских тюрков, в разное время приходивших на полуостров. Вопреки устоявшейся точке зрения, сложившейся в историографии Крыма, роль тюрков-огузов в ней гораздо масштабнее, чем это считалось до сих пор.

Ключевые слова: крымские сиджили, крымская топонимика, филологический анализ, география крымских текстов, происхождение рабов, Крымское ханство

Для цитирования: Рустемов О.Д. Топонимические сведения о заселении Крыма тюрками огузами в XI-XII вв. // Культурный ландшафт регионов. 2021. Том 3. № 3-4. С. 102-113.

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-3-4-102-113

Original article

Toponymic information about the settlement of the Crimea by the Oghuz Turks in the XI-XII centuries

Oleg D. Rustemov

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov;
Research Institute of Crimean Tatar Philology, history and culture
of ethnic groups of Crimea,
Simferopol, Republic of Crimea, Russia
olerustem@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to analyze the Crimean toponyms from the point of view of the identification of the Turkic tribes that took part in the ethnogenesis of the Crimean Turks. The etymological analysis is focused on the individual, well known toponyms belonging to the period of the settlement of the Crimea by the Seljuk Turks. Now there is an opportunity to expand significantly the range of Crimean toponymic sources. The historical names of the settlements and geographic objects in the extant written monuments, such as sigil of Shariah Courts, are a rich material for various philological research. One of the actual tasks of the linguistic analysis of the Crimean toponymy is to identify and determine the tribal composition of the Crimean Turks, who came to the peninsula at different times. Contrary to the established point of view established in the historiography of the Crimea, the role of the Oghuz Turks in it is much more extensive than previously thought.

Keywords: Crimean sidzhil's toponyms, philological analysis, geography of Crimean hudzhets's, origin of slaves, the Crimean Khanate

For citation: Rustemov O.D. Toponymic information about the settlement of the Crimea by the Oghuz Turks in the XI-XII centuries. Cultural landscape of the regions. 2021. Vol. 3. № 3-4. P. 102-113. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-3-4-102-113

Топонимика, наряду с письменными источниками и археологическими данными, позволяет с большей точностью реконструировать историю становления народа. Важность топонимики как исторического и одновременно лингвистического свидетеля трудно переоценить. Это утверждение справедливо и для топонимической номенклатуры Крыма. Тюркские названия многочисленных деревень, гор, долин, рек, урочищ и др. способны в деталях рассказать о том, какие народы и племена сыграли свою роль в становлении крымских татар, жителей Крымского ханства, включавшего в себя как сам Крым, так и обширное степное пространство, доходившее от берегов Днепра к берегам Волги, известное по рукописям древних летописцев под именем Дешт-и Кыпчак.

Целью настоящей работы является представление древнего, «до татарского» тюркского пласта отдельных топонимов, извлеченных из записей крымских судебных реестров (сиджилей). Анализ информации, заключенный в кадиаскерских судебных книгах, в сочетании с данными из других источников, речь о которых пойдет ниже, позволяет дефинировать многие имена в «до татарской» топонимической номенклатуре как имена огузского или древнего огуз-кыпчакского происхождения. Этот факт во многом объясняет особенности письменного языка крымских тюрок эпохи Крымского ханства, в частности, язык самих судебных реестров бахчисарайского кадылыка, который носит ярко выраженный огузский тип при некоторой смешанности с кыпчакским.

В прошлом мы уже акцентировали внимание на этнических группах тюрок, сыгравших свою роль в этногенезе крымских татар, чье пребывание в Крыму также отразилось в топонимической номенклатуре полуострова [9;10]. Настоящая работа расширена сведениями о характерном фонологическом рисунке крымских географических названий и объясняет этимологию и языковое происхождение дополнительных топонимов, представлявших собой определенную загадку для исследователей.

При внимательном рассмотрении топонимических реалий Крыма в них можно выделить важное объединяющее начало, каким служит фонологический рисунок, характерный именно для этой тюрко-говорящей территории. При этом тюркские в своей основе топонимы, на поверку принадлежат тюркам самых разных эпох и языковых поколений. Кроме того, все эти названия, даже если они нетюркские по своей сути, были адаптированы в крымской тюркской языковой среде, которая характеризуется помимо других отличительных черт стяжением слогов, выпадением части слова (звука, буквы, слога) из названия, так называемая синкопа, присущая именно крымским географическим именам. Нигде так ярко не выражена редукция гласных, как в топонимике Крыма. Именно тут возможны имена: Бьесала, вместо Биюк сала, Янкой (Джанкой) вместо Янъы (Джанъы) кой, Сарабуз вместо Сары Абыз, Фотсала (Фотисала) вместо Феттах сала, Бюрюльча вместо Борлу чай, Балыклава вместо Балыкълы агъы и т. д.

Говоря о нетюркских именах, также следует отметить, что и здесь в большей степени проявились особенности крымской речи, адаптировавшей такие названия как Алустон – Алушта, Лупика – Алупка, Солдайя – Судак, и т.п. Подобные фонетические изменения некоторых географических имён привели к возникновению множества «недоумённых» вопросов в области топонимических исследований. Однако большая часть из них довольно просто решается посредством обращения к старым официальным документам Крымского ханства или Османской Турции, или к другим, более ранним источникам. Например, Арсений Маркевич в свое время упоминает венгерский язык в качестве источника для этимологических изысканий, однако фонологические параллели между крымскими топонимами и отдельными венгерскими лексемами, на возможную соотнесенность или взаимосвязь которых обращает внимание ученый, выглядят искусственно [6, с. 22, сноска 1]. Речь идёт об этимологии названия деревни Сюрень, которую А. Маркевич предлагает трактовать через венгерское слово (?) *sairen* (белый, беловатый), тогда как в крымских кадийских сиджильях¹ это имя звучит в двух вариантах, что говорит о как минимум двух населённых пунктах:

¹Кадийские (кадиаскерские) Книги Крымского Ханства (КККХ) – судебные реестры крымских шариатских судов XVII-XVIII вв.

Sürentaş (Сюрень Таш), что означает: «Сдвинутый камень» и Sivri Taş «Острый камень» [8, с. 258]. Из других неточностей, допущенных Арсением Маркевичем за недостатком материала, можно указать название деревни Уркуста, которое профессор относит к старо-греческим именам с неизвестной этимологией [6, с. 24]. Однако, в кадийских документах это название представлено как Огъры Коста / Oğrı Kosta [8, с. 132], что означает: Вор Коста¹, и, по сути, представляет собой тюркско-греческое словосочетание.

География крымских сиджией довольно обширна. Она не замыкается исключительно на селах и географических объектах какого-то одного кадылыка (kaza). В судах шариата слушаются иски, в которых речь идет как обо всем Крыме, так и населенных пунктах Османской империи и даже за ее границами. В этой связи можно разделить подобные иски (da'va) на 1) торговые, где упоминаются различные морские порты, куда доставлялся груз, и населенные пункты или регионы по производству определенных видов товаров или покупке их, например, соль, ткани и т.п., и 2) дела, связанные с походами, в которых говорится о различных военных событиях, в том числе и о поимке пленных. Зарубежные географические названия встречаются также в текстах, где речь идет о приобретении недвижимости (земли) за пределами Крыма, и в текстах, в которых фигурируют невольники, там, где в перечне их особых примет сообщается также об их происхождении: Богъданиет'уль-асл (происхождением из Молдавии), Эфлакиет'уль-асл (из Валахии – княжество в Румынии), Московьет'уль-асл (из Московии) и т.д.

Названия населенных пунктов упоминаются в спорах, связанных с землей, находящейся в определенной местности или поселении. И, наконец, топонимическая номенклатура присутствует в именах собственных участников судебных процессов, а также свидетелей дела, перечисляемых внизу каждой записи. Из записей торгового характера в 1-ом томе сиджией наиболее часто встречаются такие топонимы как Стамбул в форме Исламболу, Истанбул, Костание, топонимы Ак Керман (Белгород-Днестровский), Варна, Трабзон, Селяник (Салоники, Греция) и др. Среди личных имен попадают эль-Дженди, Джезаирлю, эс-Сиваси, Бурсалы, Бурсеви, эль-Кайсери, эт-Тебризи и т. п., которые свидетельствуют о наличии тесных связей Крыма со Средней Азией, Ираном и практически со всеми уголками Османской империи.

Определенный филологический интерес представляет собой система определения или фиксации земельных участков (арази), которые фигурирует в делах по продаже земли или домов. Например, как в ниже следуемом тексте:

1 satir. Oldur ki, Mehmed bin Mevlüd Ağa'den sabitü'l-vekâle olan Mehmed bin Abdullah mahfil-i qaza-yı Celili'l-qadride Allahahmar bin İbrahim beyi ihzar

2 satır. idub müşarün-ileyh Allahahmardan nehr-i Salğırda bir pay arz-ı mezraa ki, hududı beyan olunur Qıblası Üç obaya

3 satır. ve Şimal-i Qaŋlı'ya ve Ğarbiy Bek Cemaatına ve Şarq-ı asiyyat'a (اسياط) muttasıl. İşbu hudud-i erbaa ile mahdud ve beyne'l-ciran

¹Вслед за А. Маркевичем Хенрик Янковский (Henryk Jankowski) относит топонимы «Сюрень» (Süren / Sühren) и Уркуста (Orqosta / Urqusta) в категорию таких, чья этимология не ясна [16, р. 39], хотя, на наш взгляд, она вполне объяснима с позиции огузо-кыпчакского языка крымских татар.

4 satır. malûm arzı on dört hasene ile bir ğuruş iştira' idub teslim-i semen ve qabz-i mebi' vaki olmuştur, sicil olunsun

5 satır. Dickey, bil-müvacehe Allahahmardan sual olunduqta mezbûr Muhammedin kelâmını tasdiği ile cevap vercek sihhat-ı bey'a ve şiraya

Hükm olunub, kayd olundu. Cera zelik fi evasiti Muharrem sene 1018.

Şühûdü'l-hâl: Nur Muhammed bin Mahmud, Çomay bin Külek, Teke bin Taymas, Temir Sufi ibn-i Esen Keldi, Arslan bin Emrullah ve ğayr-ı hum.

Мехмед б. Абдуллах, уполномоченный представитель (векиль) Мехмеда б. Мевлюд Аги, вызвав в собрание суда могущественного Аллахахмара б. Ибрахим бея (заявил): у означенного Аллахахмара на реке Салгир куплена была земля под посевы. Границы оной: на юге (со стороны Кыблы) примыкает она к Уч Оба (اوچ اوبه) – «Три холма» (возможно, название деревни), с севера к «Канглы» (قانگلى), с запада к Бей Джемааты (к общине Бей), с востока к мельнице на реке. Эта земля, в установленных границах по четырем сторонам, находящаяся между известными соседями, будучи купленной, была передана в руки (покупателю) и за нее заплачено четырнадцать хасене и один гуруш. Пусть это будет записано (в сиджиле). И сразу после слов его был непосредственно опрошен Аллахахмар. Как только он подтвердил слова упомянутого Мехмеда, сделка купли-продажи была признана законной и зарегистрирована. Дня текущего: середина месяца Мухаррам, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Нур Мухаммед б. Махмуд, Чомай б. Кюлек, Теке б. Таймас, Темир Суфи ибн-и Эсен Кельди, Арслан б. Эмруллах и другие. [5, Т. 1, стр. 5-В, Текст №3]

(Перевод Рустемова Олега)

Этот способ географического описания напоминает тот, что применялся и в османских сиджилах, то есть сообщается район нахождения участка и соседи или объекты, к которым он примыкает по четырем сторонам света. Но в крымских сиджилах мы встречаемся с иными топонимическими реалиями. В приведённом тексте звучат такие топонимы как Салгыр – название реки, и Канглы, – вероятно: название деревни, но может быть и ороним, или даже хороним. Оба топонима имеют отношение к именам огузских родов. Таким образом, в центре Крыма обнаруживаются топонимы старо-огузского происхождения. Салгъыр – в форме «Салгъур» / «Салур» встречается в словаре Махмуда Кашагари «Диван-и Лугат-ит Тюрк» [17, Т. 1, с. 56]. Махмуд Кашгари относит его к огузскому роду. Там же он сообщает вид тамги, которой пользовался этот род.

Другой топоним – Канглы – большей частью тюркологов признается также за племя огузов, вступивших в контакт с финно-угорскими племенами. Хотя у Махмуда Кашгари Канглы – имя известного мужа из кыпчаков. В свою очередь, мы склоны соотнести топоним «Канглы» ко временам пребывания в Крыму печенегов (по Махмуду Кашгарскому: «البعنك» (el-becenek), (эль-бедженек), [17, Т. 1, с. 56-57]), что не противоречит утверждению о том, что Канглы – огузское племя, как и о том, что оно происходит из кыпчаков. Здесь надо отметить, что кыпчаки и огузы восходят к единой ветви тюркских племен, берущей свое начало от легендарного Огуз хана [7, с. 86-87]. В Диван-и лугат-ит Тюрк неоднократно подчеркивается языковая тождественность этих двух разветвле-

ний [17, Т. 1], хотя можно предположить, что языковые расхождения между огузами и кыпчаками начались раньше XI-века. Скорей всего, этот процесс начался приблизительно с VIII века, когда часть туркменских и кыпчакских племен начали активное движение в сторону Кавказа и Восточной Европы. Не был оставлен в стороне и Крым. Так, в сочинении Эбульгази Бахадыр хана «Родословная (или дерево) туркмен» «شجره تراکمه» / Şecere-i terakime / Шеджере-и Теракиме), известном также как мусульманский вариант эпоса «Огуз-наме» [4, с. 43], сообщается о приходе в Крым части иля / эля (народа) (900 кибиток) Салгъыр (Салур / Салор) и 100 кибиток рода Каркын (Карыкын) во главе с неким Огурджигом, спасавшихся от преследования другого огузского иля – Баяндыр.

У Эбульгази рассказывается также о том, как Огуз хан отправился воевать с многочисленным племенем Татар, живших по соседству со страной Джурджурт (джурт – юрт (?) / край, страна), внезапно напав, нанес им поражение и захватил множество трофеев. Чтобы суметь перевезти эти трофеи, некий муж изобрел арбу – повозку, издававшую при движении звук «канк-канк». Арба эта, якобы, была так и названа: «канк», а человека, её сотворившего прозвали Кангълы. Впоследствии весь род его стал называться Кангълы [15, с. 30; 4, с. 43].

В свою очередь, Константин Багрянородный, рассказывая о происхождении печенегов, говорит о том, что печенеги в прежние времена назывались Кангар, и что теперь кангарами называются лишь три самых могущественных рода из них [14, с. 171]. Фонологическая тождественность корней в словах канг+лы и канг+ар очевидна, однако, от проведения семантических параллелей мы в данный момент вынуждены воздержаться из-за недостатка языковедческого материала. К тому же печенеги (бечене) по Эбульгази часто выступают военными конкурентами и откровенными врагами Канглы, как, впрочем, и салоров (салгъыр), которые даже прозвали их ит-бечене (собаки-печенеги) [4, с. 56].

Мигрирующие тюркские роды, покидая свои обжитые места, в странствиях и кочевках сталкивались с иным языковым окружением, что, естественно, находило свое отражение на меняющемся с течением времени фонетическом и лексическом уровнях языка. Уже давно существует гипотеза о том, что язык булгар, хазар и сабуров, которых ряд исследователей соотносит с современными чувашами, трансформировался под влиянием финских и славянских языков [12]. Махмуд Кашгари в XI-ом веке в своем словаре, в один ряд с булгарами и суварами (сабурами?) ставит и печенегов, отмечая их общие языковые особенности: «Язык же булгар, сувар и печенегов до границ Рума (Византии) есть тюркское наречие с усеченными окончаниями слов» [17, Т. 1, с. 30]. Значит, к этому времени печенеги перешли в булгарскую ветвь тюркских языков, хотя известно, что прежде чем оказаться в междуречье между Доном и Днепром, а также в Крыму, они однозначно воспринимались как один из родов (илей) тюрок-огузов. Эбульгази упоминает род бечене в составе других родов, восходящих к Огуз-хану, то есть именно как огузский иль, сообщая при этом значение имени этого рода, как «делающий» (вероятно, от глагола беджермек – «справляться, уметь выполнить, выполнять» – О. Р.), тамгу, и онгон («птичий» тотем) – пёстрый сокол [4, с. 53]. О пребывании печенегов в Крыму с конца IX-века говорит также и Константин Багрянородный. Он называет их соседями херсонитов: «This nation of Pechenegs is neighbour to the district of Cherson...» [14 с. 171].

В это же самое время Крым являлся частью Хазарского Каганата, что говорит о том, что печенеги и хазары достаточно продолжительное время сосуществовали вместе на одной территории. Кроме хазар и печенегов, а также всех остальных тюрков, о которых речь шла выше, в Крыму в это самое время селились болгары, выходцы из Придунайской Булгарии, которых хазары охотно нанимали в качестве воинов [3, с. 14]. Таким образом, вероятней всего, несмотря на существующее военное противостояние, именно тесное соседство с хазарами и болгарями, стоявшими в культурном плане на более высокой ступени развития, повлияло на язык печенегов, что и зафиксировал уже в XI-ом веке Махмуд Кашгари.

Возвращаясь непосредственно к топонимической номенклатуре полуострова, помимо указанных выше Канглы и Салгира (по крымскотатарски: Qanglı и Salğır), следует отметить и другие топонимические факты, свидетельствующие о пребывании тюрков-огузов, в том числе и печенегов, в Крыму. А. М. Щербак в своем очерке о печенежском языке называет среди прочих географических названий, которых он соотносит непосредственно с этим племенем, и которые хорошо вписываются в топонимическую картину Крыма, два имени: Алматай и Бурлюк – [13, с. 108]. По Щербаку оба имени – гидронимы, а конкретно – названия рек (потамонимы). В своем труде «Об управлении империей» Константин Багрянородный также указывает гидроним «Алматай», при этом помещает его на территории между Дунаем (Дануб) и хазарским городом Саркелом, и пишет, что расстояние между ними 60 дней пути. В числе прочих рек, находящихся там же, он выделяет две большие: Днепр и Днестр, и ряд более мелких: Сынгиль, Хибиль, Кофис и Богу [14, с. 185]. В последнем однозначно угадывается Буг – О.Р.

Константин Багрянородный приводит довольно большое количество потанонимов, с окончанием на «-тай»: Toungatai, Salmaktai, Sakaktai, Kraknakatai (воспроизводится в оригинальном написании, в переводе R. J. N. Jenkins'a; см. [14, с. 169]). В этом окончании мы склонны видеть общеупотребительный тюркский аппелятив чай (сай, шай, цай и т.п.) – река. Таким образом, Алматай по нашему предположению: Алма+чай – Яблочная река. По аналогии с коллокацией Алмачай (Almaçay) уже непосредственно в Крыму возникли иные словосочетания: Alma Tarhan – тарханное владение на Альме, Алмасарай (дворец на Альме) Алма Тамакъ (Устье Альмы / Алмы).

О топонимических параллелях (если исключить даже локацию Алматая Константина Багрянородного в Крыму, в виду отсутствия конкретного указания на ее расположение) говорят также нахождение в низовьях крымской реки Алмы (Альмы) деревни Бурлюк. Согласно, так называемой, народной этимологии происхождения этого имени связано со словом Бюр – завязь, соцветие. Вполне логично на «Яблочной реке» предположить существование села – «Цветочное» или «Почковое».

А. М. Щербак приводит вариант написания этого имени в виде Бурлик, и, одновременно, предлагает версию происхождения его от бур (точнее: бор – О.Р.), что означает: мел, известняк [13, с. 108]. В этом случае, Бурлюк (Бурлик) должен был бы выглядеть в форме: Борлыкъ или даже Борлукъ, как того требуют законы сингармонизма гласных. Нарушение этих законов, вызванное влиянием иранских субстратов, присуще узбекскому языку, в котором, например, полисемантический суффикс «-лик», образующий отвлеченные субстантивные значе-

ния с семантикой качества, не взирая на звуковой состав в корне, имеет лишь эту единственную форму (о грамматике узбекского языка см.: [1]). Однако ничего подобного мы не можем сказать о языках огузских или кыпчакских, к которым мы относим печенежский язык X-го века. Сингармонизм гласных в этих языках является непреложным правилом. Таким образом, можно было бы сделать заключение об ошибочности версии Щербака, но одновременно с этим мы найдем ей неожиданные подтверждения из иных источников.

В Крыму есть река Бюрюльча, впадающая в Салгир и достаточно далеко находящаяся от Альмы. Значение глагола бюрюль- «вертеться», «вворачиваться», «заворачиваться» и т.п. Суффикс -л придает глаголу страдательную семантику. Частица -ча / -са в этом имени уже знакомое нам слово «чай» – «река». То есть некая «Стремительная» или «Вертящаяся» река. Однако, одновременно с этим на карте Крыма конца XVII-го в., переизданной в 1854-ом году османской Императорской Инженерной Сухопутной школой (Mühendishane-i Berri-i Nümayin), присутствует поселение Борлуджа «بورلوجا» (вероятней всего изначально: Борлучай – О. Р.), которое находится на берегу одноименной реки. Здесь уже нет сомнений в том, что имя деревни происходит от гидронима и означает: Известковая река. В данном случае можно констатировать процесс спорадического изменения звукового состава слова, выраженного, в первую очередь, в появлении эпентетического гласного на стыке сонорных Борлучай – Бюрюльча, под воздействием которого произошла ассимиляция "о" в "у" и дальнейшая палатализация согласных, приведшая к лабиализации и сужению гласных, скорее всего из-за соотнесенности с похожим словом бюрюль-. Что касается самой Альмы (Алмачай), то там до сих пор находятся карьеры по добыче известнякового камня, употребляющегося при строительстве, известного также как «альминский камень». Таким образом, имя альминского села Бурлюк / Бюрлюк вполне могло быть образованным по похожей модели. В любом случае нам остается признать предположение А. М. Щербака верным.

Еще один крымский гидроним неясного происхождения: Кача (по крымскотатарски: Къачы), в результате исследований вновь приводит нас к огузским корням. В форме Гачы это слово зарегистрировано в словаре туркменского языка и означает «запруда», «плотина» [11, с. 166], а в форме «قاچی» (къачы) с той же семантикой присутствует в словаре Лазаря Будагова с пометой «хив.» / «хивинский диалект» [2, Т. 2, с. 7]. Как известно, Хива и хивинский оазис в Узбекистане в прошлом находился на территории государства хорезмшахов, где до прихода монголо-татар литературным языком был язык тюрок-огузов, который и поныне сохраняет свои ярко-выраженные диалектные особенности, приближающие его к языку туркменскому и азербайджанскому.

В отношении имени пещерного городка в Крыму, известного как Качы-Кальон, долгое время также представлявшего собой «загадку» для этимологов и лингвистов, по поводу второго слова у нас есть два предположения, которые в результате сводятся к одному, как наиболее вероятному. Как известно, *galyon* (*galyon*) в османском и, соответственно, в литературном крымскотатарском языках означал галеон – тип большого, двух палубного парусного корабля, популярного в XVI-XVIII вв. Таким образом, Качы-Кальон мог бы означать «Галеон на Каче». Но данное предположение, конечно же, плод фантазии, ибо понятно, что никакой галеон на реку Качы не вошёл бы, в виду её небольшой глубины. Другая версия основывается на записях в кадиаскерских книгах Крыма. В пер-

вом томе этих документов находим название деревни – Кельян / Kelyan, записанное арабскими буквами в форме – كليون [5, Т. 1, с. 28-А (65/62), текст 8]. При этом в тексте есть указание, что деревня относится к кадылыку Мангуб, т.е. это и есть тот самый Качы Кальон, который и находится вблизи Мангуба. Двое спорящих в суде человека – зимми, т.е. не мусульмане, проживающие в мусульманской стране на известных условиях. Зовут одного из них Джанбек велед-и Йорги (Георгий) и Бейберды велед-и Папаг. То есть это два крымских грека, постепенно превращающихся в крымских татар, если судить по их именам. Само слово Кельян не находит своего объяснения в тюркских языках, однако очень близко напоминает греческое слово κελλίον (рус. келья) – клетка, комнатка. Так как речь идёт о христианском пещерном городке, то вполне справедливо будет возвести этимологию этого топонима к тюрко-греческому сочетанию: Кельи / Комнаты / Монастырь на Каче.

Следующая волна тюркских родов, которая обрела в Крыму свою вторую родину, были кыпчакские колена, известные также по крымским письменным источникам как «команы / куманы». У Эбульгази есть легендарная притча о появлении прародителя племени – Кыпчака (местами он называет его Чыпчак): во время войны в Междуречье, (имена рек не сообщаются) с неким Барак Ханом Огуз Хан потерпел поражение и бежал. Верный телохранитель Огуз хана, некий знатный бей (бек) пал в бою, а его беременная жена, находящаяся при войске, осталась совсем одна. Ночью было холодно, и ей негде было укрыться. Она спряталась в дупле большого полого (пустого) дерева, где и родила сына. Огуз Хан взял мальчика на воспитание, и дал ему имя – Кыпчак, т.е. пустотелое дерево (по Эбульгази). В виду того, что простой народ в то время еще не привык к литературному произношению, мальчика звали: Чыпчак. Потомство его расплодилось впоследствии и кочевало на просторах между тремя реками: Яик (Урал), Волга (Итиль) и Тин / Тун(а) (Дунай) (почему-то не упомянут Днепр – О. Р.) и было столь многочисленным, что называли эти земли Дешт-и Кыпчак, и правили они там триста лет, вплоть до появления Чингиз-хана [15, с. 31-32]. В этом фрагменте, пусть даже в жанре народных преданий, мы видим еще одно подтверждение тому факту, что огузы и кыпчаки имеют общих предков, и их язык также восходит к единому корню.

От поколения тюрков, известных как команы, чье имя фигурирует в названии словаря Кодекс Куманикус на сегодняшний день топонимических данных по Крыму нет. А, возможно, они, скорее всего, не были вычленены из общего реестра как таковые. Загадочным остается и само название команы (куманы), которое ряд исследователей соотносят с одним из кыпчакских родов, а другие с неким опять-таки кыпчакским родом, но в значительной степени смешавшимся с булгарами, по крайней мере, в отношении языка. Именно эти «булгарские» элементы, обнаруженные в языке Кодекса Куманикус'а, удержали некоторых исследователей от причисления данного словаря к памятникам огузского языка [7, с. 83]. Несмотря на устойчивую тенденцию в тюркологии вывести генеалогию команов от разветвления туркменского племени «Къон», (Къоюн – баран, овца. Ср. названия сельджукских родов: Акъ-къоюнлы и Къара-къоюнлы), а также ряд других гипотез, этот вопрос нуждается в уточнении. Во всяком случае, у Махмуда Кашгари отдельного племени Коман нет. При перечислении им тюркских племен с запада на восток идут печенеги, кыпчаки (в арабской форме «кыфчак») и лишь потом огузы [17, Т. 1. с. 26]. С учетом того, что Диван-и Лу-

гат-ит'Тюрк был написан в конце XI-го века (1072-73 гг.), ситуация с расселением тюрков на евразийских пространствах в нем отличается от той, что примерно 140 лет назад описал Константин Багрянородный. К тому же надо учитывать то обстоятельство, что Махмуд Кашгари представляет в словаре наиболее крупные племенные объединения и лишь иногда дает сведения о более мелких подразделениях или родах, большей частью огузского происхождения.

Топонимы, образованные от имени Кыпчак, также можно увидеть на старых картах Крыма. Их довольно большое количество: Taşlı Qırçaq (Ташлы Кыпчакъ), İlgeri Qırçaq (Ильгери Кыпчакъ), Yuqarı Qırçaq (Юкъары Кыпчакъ), Qor Qırçaq (Къоп Кыпчакъ), Qara (Qaralar) Qırçaq (Къара Кыпчакъ / Къаралар), Qullar Qırçaq (Къулар Кыпчакъ), Qırulu Qırçaq (Къурулу Кыпчакъ), Sarı Qırçaq (Сары Кыпчакъ), Üç Quyu Qırçaq (Учъ Къую Кыпчакъ), Yağı Qırçaq (Янъы Кыпчакъ) и т.д. Таким образом, следует признать автохтонность огузов и кыпчаков Крыма, а также растворенных среди них потомков хазар, болгар, сувар и печенегов по отношению к татарским родам и коленам, пришедших в Крым в следующую эпоху тюркизации полуострова – в начале XIII-столетия. Одновременно с этим кумано-кыпчакский период в Крыму можно охарактеризовать как очередной этап в формировании западно-кыпчакского языка, который можно было бы назвать как кыпчако-булгарским или куманским, где присутствовало смешение языковых традиций кыпчакского и хазарского о чём мы говорили выше как об отличительной особенности языка словаря Codex Cumanicus. В этом смысле можно констатировать победу кыпчакского языка, в отличие от языка печенегов, а хазарский язык стал проявляться в нём на уровне субстратных явлений.

Под татарами на самом деле подразумевается большое количество племён и родов, которые сами по себе не являются татарскими по происхождению. Некоторые из них не были даже тюркскими, но монгольскими. Большая часть этих племён зафиксированы в крымской топонимике: Найман (Nayman), Кыяты (Qıyat), Ширин (Şirin), Барын (Barın), Аргын (Arğın), Сиджевут (Secsevüt), Мансур (Mansur), Яшлав (Yaşlav), Меркит (Merkit), Озбек (Özbek), Мангыт (Manğit), Келечи (Keleçi), Ойрат (Вейрат) (Oyrat / Veyrat), Унгут (Unğut), Баявут (Bayavut), Конърат (Qoñrat), Шыбан (Şıban), Ногъай (Noğay). За пределами Крыма Кыргыз (Qırğız), Туркмен (Türkmen), Казакъ (Qazaq), Къалмукъ (Qalmuq), Черкез (Çerkez), Чуваш (Çuvaş) (Сиваш?), Чонгар (Джунгар) (Çoñgar / Cunğar). Одновременно с этим почти все этнонимы представлены в топонимической номенклатуре Средней Азии, прежде всего в топонимике Узбекистана и Казахстана.

Примером коловращения тюркских родов может служить популярный в крымской топонимике этноним Qoñrat (Конграт / Кунград). Род Конграт был широко распространен в Средней Азии. Сегодня там, как и прежде в Крыму, существует множество географических названий с таким именем. Потомки племени Конграт присутствуют среди киргизов, казахов и узбеков. То есть, в основном это традиционный кыпчакский ареал, даже с примесью карлукской ветви, имея в виду узбеков. Существует, однако, гипотеза, что это племя туркменского, т. е. опять же огузского происхождения. З. Навширванов говорит о том, что Хивинское ханство в свое время состояло из конграт, и ханская династия принадлежала этому же племени [7, с. 83]. Но он же связывает название племени Конграт

с именем кыпчакского хана Конгур оглу. Хотя, возможно, имя Конграт означает всего лишь кьонур ат (рыжая лошадь – О.Р.).

Исходя из результатов исследования, представленного в данной работе, совершенно очевидно следует, что печенеги и некоторые другие тюрки-огузы, в том числе сельджуки, являются важными этническими компонентами, участвовавшими в формировании крымскотатарского народа. Богатый материал в этом отношении представляют собой тексты кадиаскерских тетрадей. Изучение указанных документов позволяет выявить старые топонимические названия, которые переданы там в их оригинальной орфографии, что безусловно позволяет прояснить многие тёмные вопросы в области исторических имён Крыма, включая и те, которые долгое время не получали своего разрешения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боровков А. К. Краткий очерк грамматики узбекского языка // Узбекско-русский словарь. – М.: 1959. – С. 679 - 727.
2. Будагов, Лазарь. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. / Лазарь Будагов. – Санктпетербургъ, Типографія Императорской А. Н, 1871. – Т. 1 – 827 с.; Т. 2 – 415 с.
3. Живков Б. Хазария през IX и X век. / Борис Живков. – София, Гутенберг, 2010. – 377 с.
4. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. / А. Н. Кононов. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1958. – 112 с.
5. Копии сиджией крымских кадиев, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90
6. Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов. // Известия Таврического Общества истории археологии и этнографии. Т. 2. (59). Симферополь, Крымлит, 1928. – С. 17-32
7. Навширванов З. III. Предварительные заметки о племенном составе тюркских племен, пребывавших на юге Руси и в Крыму. // Известия Таврического Общества истории археологии и этнографии. Т. 3 (60). Симферополь, Крымлит, 1929. – С. 78-99.
8. Рустемов О. Д. Кадиаскерские книги Крымского Ханства : исследования, тексты, переводы (Qırım Hanlığınıñ qadiasker defterleri: araştırmalar, metinler ve tercimeler). Симферополь : Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. – 280 с.
9. Рустемов О. Д. Топонимы Крыма в судебных реестрах 17-18 вв. и вопрос о племенном составе крымских тюрок // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. Выпуск № 3. 2017. КИПУ, Симферополь. С. 157-173.
10. Рустемов О. Д. Географические названия в крымских кадиаскерских тетрадях: к вопросу происхождения оронима «Чонгар». Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства № 26. ОНУ ім. Мечникова. Одеса, С. 138-144.
11. Туркменско-русский словарь / Под общей редакцией Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. – Москва, «Советская энциклопедия», 1968. – 832 с.

12. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского Ханства. / М. Г. Худяков. – Казань, Государственное издательство, 1923. – 302 с.
13. Щербак А. М. Печенежский язык // Языки мира / Тюркские языки. Под редакцией Тенишева Э. Р. – Бишкек, «Кыргызстан», 1997 г. – с. 107-110.
14. Costantine Porphyrogenitus. De Admenistrando Imperio. / Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins. – Center of Byzantine Studies. Trustees for Harward University. – Washington DC: 1967. – 345 p.
15. Ebülğazi Bahadır Han. Şecere-i Terakime (Türkmenlerin söy kütüğü / Родословная туркмен) // Hazırlayan Zuhul Kargı Ölmez. / Tercüman 1001 TEMEL ESER serisi. – Ankara, Simurg, 1996. – 559 p.
16. Jankowski, Henryk. Historical-Etymological dictionary of pre-Russian habitation names of the Crimea. / Henryk Yankowski. – Leiden: Boston: Brill: 2006. – 1233 p.
17. Mahmud Kaşğari. Divanü Lûğati-t-Türk / Çeviren: Besim Atalay. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991 p.

REFERENCES

Информация об авторе: Рустемов Олег Диляверович, канд. филологических наук, ст. научный сотрудник
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»;
НИИ Крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма,
г. Симферополь, Республика Крым, Россия
olerustem@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author:

Rustemov Oleg D., Candidate of Philology, Senior Researcher
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov;
Research Institute of Crimean Tatar Philology, history and culture of ethnic groups of
Crimea,
Simferopol, Republic of Crimea, Russia
olerustem@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 12.06.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 07.07.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.07.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

© Рустемов О.Д. 2021

© «Культурный ландшафт регионов». 2021